

*Посвящается настоящим героям,
моим племянникам и племянницам:*

Кайли

Джону IV

Сэмми

Дэвиду

Алии

Тэйлор Эбигейл

Аарону

Ноа

Чарли

Я вас люблю!

ГЛАВА 1

Я ДЕЛАЮ вид, что коробка с моим звуковым оборудованием гораздо тяжелее, чем есть на самом деле.

Нагнувшись, обхватываю ее за края и поднимаю, а затем, кряхтя для убедительности, иду вверх по лестнице. Похоже, мама купилась на мой спектакль. Она одобрительно кивает, проходя мимо к входной двери. На улице в грузовике ее ждет еще одна коробка.

— Бабуля! — выкрикиваю я, заметив, что дверь с надписью «Квартира № 3» снова захлопнулась. — Подержи дверь!

Обычно бабушкин разум — что заточенная сталь, но сегодня у нее обнаружилась привычка закрывать дверь после каждой внесенной в квартиру коробки, и делала она это с поразительной настойчивостью.

— Бабуля! — кричу я снова и не получаю ответа. Дверь по-прежнему заперта.

Ботинок скрипит о последнюю ступеньку на моем пути, и я едва перебарываю желание *облегчить* себе задачу. Ведь можно просто приклеить край двери к стене паутиной...

Жалея, что не получится воспользоваться способностями Человека-Паука, я вздыхаю и пользуюсь

способом для обычных людей: аккуратно опускаю коробку на скрипучий пол и поворачиваю ручку двери.

Как Майлз.

В комнате, куда я попал, пахнет старинной мебелью, которая наверняка старше меня, и только что заваренным кофе (на столе стоит банка кубинского кофе). Ставлю коробку на стол и прячу руки в карманы свитера — здесь холодно. Большая часть жителей Нью-Йорка с радостью включали бы отопление при первых признаках осени, но только не *моя* бабуля (в знак неодобрения этой привычки покачиваю головой) — *она* не признает отопления до первых дней декабря.

— Мы ведь не украшаем дом к Рождеству, пока не справили День благодарения, — делится она мудростью.

Я осматриваюсь. На стенах почти везде теснятся пыльные фотографии: вот моя мама широко улыбается в мантии выпускницы. На другом снимке она держит на руках совсем маленького меня. Дальше — свадебная фотография моих родителей.

На нее я смотрю с печальной улыбкой, в груди что-то сжимается от боли. Я киваю и шепчу:

— Она приехала, папа. Мы в хороших руках.

— Майлз, это ты? — из коридора донесся хрипловатый старческий голос и отвлек меня от мыслей. Я слышу, как по ковру шаркают ноги в тапочках. — Ты уже поднялся. Это, значит, последняя коробка? — спрашивает бабуля. Она подходит и обнимает меня за плечи, в ответ я наклоняюсь и прижимаю бабушку к себе.

— Осталась еще одна. Мама принесет, — отвечаю с улыбкой. — Вот мы наконец и въехали.

Я еще не успел договорить, а бабушка уже доставала из отделения под духовкой сковородки и котелки.

— Куда ж я подевала?..

— Может, тебе помочь? — предлагаю я.

— Нет-нет, — уверенно отказывается она. С другого конца стола я вижу лишь ее руку, которой она отмахивается от моего предложения. — Может, у меня и старые кости, но неужели я плантаны *сама* не пожарю? А *ты* со своими крепкими косточками лучше коробки распакуй. Вот это будет помощь.

Бабушка наконец выпрямляется — в руке у нее *огромная* сковорода — и смотрит на меня.

— Спасибо, внучек, — говорит она с теплотой, хотя в комнате ужасно холодно. Бабушка похлопывает меня по щеке. — Хороший мой мальчик.

Я улыбаюсь в ответ и кладу ладонь на ее пальцы.

— Ты так на него похож, — произносит бабушка задумчиво и отстраненно. — Глазки папины. — Она опускает руку к моей груди и легонько похлопывает. — И его сердце.

Я теряюсь, не зная, как отреагировать, и просто киваю. После гибели отца меня часто с ним сравнивают: «Ты так на него похож»; «У тебя грубеет голос, становится прямо как у отца»; «Я сначала принял тебя за Джеффа».

Я оглядываюсь на свадебное фото мамы и папы. Отец стоит в униформе с кепкой, лицо его серьезно, но светится гордостью оттого, что он стоит рядом с мамой.

Они на фото такие счастливые.

— Ну вот и все! — восклицает мама, заходя в квартиру с очевидно тяжелой для нее коробкой. Я спешу ей помочь.

— Отпускай, мам, я держу, — требую я, подхватывая коробку за дно.

— Фух! — мама с облегчением отдает вещи и запирает дверь. — Это последняя. Хотите пиццу?

— Рио, я уже залила масло в сковороду, буду готовить тостонес! — кричит из кухни бабушка.

— Для *них* у нас место тоже останется, мама. Уверена, Майлз не откажется ни от того, ни от другого.

Я *просто умираю* от голода, и, когда слышу про пиццу, желудок протяжно урчит, а я отчаянно киваю в знак согласия. Сажусь на высокий стул.

— Тостонес как раз хорошо пойдут перед пиццей, бабуль. Честное слово, я готов умять всё.

— Что ж, — говорит бабушка со вздохом, вытирая руки о фартук. — Ты всегда любил пиццу, Майлз, да и по Бруклину скучаешь, наверное. Но тут, в Гарлеме, есть свои чудесные пиццерии. Рио, будешь заказывать — звони в «Алессандро».

Бабушка отбирает три огромных овощных банана из чашки на столе, берет нож для чистки и идет со всем этим к разделочному столу рядом со мной.

Мама кивает:

— Какую хотите?

— Ох! — я так тороплюсь заказать, что даже не успеваю понять, чего хочу. — Мне «Пепперони» с оливками! — Эта пицца возвращает меня в детство. Когда у меня выдавался тяжелый день в школе или у папы были сложности на работе, он всегда приносил пиццу с пепперони и оливками из ресторанчика в Бруклине.

Переезд — дело непростое, а значит, и эта пицца будет как раз к месту. Я поднимаю глаза на маму и пытаюсь угадать, думает ли она о том же. Она набирает номер.

Вдруг я кое о чем вспоминаю и перевожу взгляд на бабушку. Она чистит первый плантан, откладывает шкурку в сторону, а потом нарежает колечками, которые падают на подставленную заранее тарелку.

— Бабушка, а где Ганке? — спрашиваю я. — Он же обещал приехать еще час назад.

Бабушка сосредоточенно оборачивает беконом кусочки плантана, будто нежными цветочными лепестками.

— Наверное, скоро придет, — отвечает она, и мы тут же слышим стук в дверь. Мама разговаривает по телефону, поэтому я вскакиваю со стула и тороплюсь открыть. Смотрю в глазок. По ту сторону стоит Ганке с пакетом снеди и смотрит сквозь глазок прямо на меня.

— Пароль!

— Я принес «Физзи»! — сочным голосом отвечает он.

Быть *не может!* Я, весь в возбуждении, распахиваю дверь.

— Мою любимую шипучку? — взволнованно спрашиваю я. — Разве где-то кроме Бруклина ее продают? И... не холодновато ли сегодня для таких напитков?

Ганке пожимает плечами.

— Знаю я одного парня... — Ганке ухмыляется и протягивает мне содовую со вкусом апельсина и сливок, а бабушке — вишневую. — Для «Физзи» *никогда* не бывает холодно.

По бутылочкам сбегает холодные капли конденсированного пара.

— Спасибо, друг, — говорю я искренне. Ганке вообще не обязан был помогать нам с переездом, тем более в Гарлеме, но все же пришел, пусть мы и справились с коробками без него.

— Не благодарю. — Он снова пожимает плечами, и мы садимся на высокие стулья рядом с кухонной стойкой. — Раз уж я опоздал, давайте помогу упаковать вещи. Где коробочка, которую мы возьмем в Бруклин?

Он имеет в виду вещи, которые понадобятся в общежитии. Мы оба будем учиться в Бруклинской академии «Вижнс», и, раз я теперь живу в Гарлеме, мне придется поселиться в общежитии неподалеку от школы. Соседа лучше, чем Ганке, не найти. Он тихий, большую часть времени слушает музыку, читает комиксы или чем-то занимается в телефоне: все делает какие-то приложения.

Я уточняю:

— Две коробочки. Они у мамы в комнате.

В одну из них сложено постельное белье, включая новенький серый комплект, который, как сказала мама, «отлично подойдет к школьной форме, папкам для бумаг и карандашам», средства для умывания и волос и еще комиксы. Во второй — мои вещи, форма, к которой, по маминому мнению, непременно должно подходить по цвету постельное белье.

А кто подбирает одежду под цвет постели?

Заучки, вот кто.

Опускаю взгляд на вторую коробочку с вещами, с одеждой *Майлза*, если точнее. Костюм Человека-Паука — удобные кофта и легинсы, веб-шутеры

и маска — надежно спрятаны в рюкзаке с эмблемой Бруклинской академии «Вижнс». Туда мама не полезет ни в коем случае, только если я сам не попрошу. Мы договорились, что мой рюкзак — то же самое, что и ее сумочка. Я не лезу в ее вещи, она — в мои.

— Так, пиццу привезут минут через двадцать, — говорит мама. — Ганке, нам с тобой я заказала гавайскую, ведь только мы, как культурные люди, способны *оценить* в ней кусочки ананаса. — Она бросает взгляд на нас с бабушкой, а мы оба морщимся. Я скорее съел бы пиццу с бананами или зубной пастой, но только не с ананасами. — Мама, Майлз, вам «Пепперони» с оливками.

— Спасибо, миссис Моралес, — певучим голосом произносит Ганке (особенно красивая и мелодичная речь в его исполнении предназначалась только моей маме). Я закатываю глаза. — Майлз, я тебе тут тоже кое-что принес. — Он запускает руку в карман. — Смотри-ка, что раздобыл!

Я разворачиваю серый тканевый сверток и вижу знакомую эмблему.

— У тебя *две* шапочки? Как ты вторую достал?

— Я ж говорил, — пожимает плечами Ганке, — знаю одного парня.

Он натягивает на себя одну из шапочек.

Я ухмыляюсь. Да никого-то он не знает.

— Ладно, на самом деле заказал через бота, как только на сайте выложили новую линейку одежды, — признаётся он.

— Так и знал.

— *Но!* Заметь, на какое благое дело я пустил свои таланты! Теперь мы гордые обладатели вождеденных

теплых шапочек с эмблемой Бруклинской академии. Не благодари.

— Наверняка пригодится: похоже, зима в этом году спешит начаться пораньше, — хрипловато бормочет бабуля, закидывая в нагретое масло по очереди четыре кусочка плантана. Они кружатся в кипящей жидкости, постепенно покрываясь золотистой корочкой. Масло шипит и брызгает в стороны, а я чувствую за ухом щекотку: это пауچه чутье подсказывает, что в опасной близости оказалась обжигающая жидкость.

— Только не забудь подписать свои вещи на ярлычке, — говорит мама, — а то перепутаешь с чужими.

— Хорошо, мам, спасибо, — соглашаюсь я, хотя и не собираюсь делать ничего подобного. Если кто-то случайно заберет мою шапку, искать они меня не станут, а если не случайно, значит, возвращать вещь никто и не собирался. К тому же кому в голову придет подписывать свои вещи? *Заучкам.*

На большинстве вещей сейчас и писать-то негде — это *раньше* на них были специальные тканевые ярлычки, которые располагались сзади на воротнике и царапали шею.

— Ты же не будешь ничего подписывать, да? — шепотом спрашивает Ганке.

— Я что, третьюшка? — тихо отвечаю я.

Итак, имя свое я нигде не пишу. Вместо этого мы с Ганке делаем селфи в новых шапках. Ведь какой смысл обладать вещью, которую все жаждут, если не похвалиться ей перед всеми?

Вскоре звонят в дверь, мама открывает, и мы устраиваемся кто на диване, кто на стуле, кто оперевшись на стол и принимаемся за пиццу и бабушкины хрустящие жареные плантаны.

НАБИВ живот так, что уже не могу пошевелиться, и заметив, что снаружи стемнело и улицу освещают лишь желтые окна домов, я уже не испытываю никакого интереса к программе по телевизору, и глубоко вздыхаю.

Признаюсь честно, наш новый дом — отличное местечко. Просторное, с красивой и удобной мебелью (я мог бы уснуть прямо там, где ел) — а теперь тут витает дух приправ пиццы с пепперони и жареного лакомства. *К тому же* теперь мы живем с бабулей, а с ней не соскучишься. Нам с мамой больше не будет одиноко, хотя пока что я не избавился от этого чувства. В душе еще зияет незатянувшаяся рана, и она ноет, как только я вспоминаю о семье, оставшейся в прошлом. Даже наевшись пиццы от «Алессандро», даже спустя много месяцев, я жду, что папа придет домой с коробкой из «Бабушкиной пиццерии» и спросит, как у меня дела. Точнее, я бы этого ждал, будь мы сейчас дома.

Тут все иначе.

Это не наш дом.

И в то же время наш. Похоже, мама заметила мою задумчивость. Она резко встает и начинает приближаться. Бабушка в кресле зевает. Ганке поднимается,

почесывая оголенный живот, а затем одергивает кофту, чтобы его прикрыть.

— Ну что ж, — говорит он, — электрички людей не ждут. Пойду, пожалуй, а то не успею к десяти в общежитие. Охранник закрывает двери точно по часам. Тот, кто дежурит сегодня, вечно выглядит так, будто ничего хорошего в жизни не видел с момента, как его «Браунс» выиграли в Суперкубке.

Повисает долгая пауза, а потом бабуля говорит:

— А выигрывали они в последний раз, когда я еще на лошади в Мемфис ездила.

— Что-что? — спрашивает мама. — На лошади? Правда?

— Рио, ты такая простофиля, вся в отца, — смеется бабушка, а мы с Ганке улыбаемся ей.

— *Не* простофиля, — с улыбкой отвечает мама. — Просто я тебе обычно *верю*.

— Ой, не пререкайся со мной тут, — шутливо осекает ее бабуля. — Лучше помоги убрать коробки от пиццы.

— Жаль, не смогу помочь, — говорит Ганке, закидывая на спину рюкзак и направляясь к двери. — Надо *бежать*. Майлз, хочешь, заодно возьму твои вещи?

— Это же целая коробка! Зачем тебе тащить ее в метро? — спрашивает мама. — Не лучшая идея. А если это опасно? Вдруг тебя ограбят!

— Миссис Моралес, — проговаривает Ганке с самым *утонченным* британским выговором, на который способен. — Я боролся против страшных ветров, брел в ужасных туманах, пронесил тяжелейшие ноши сквозь бури, град и козни врагов. Доберусь.

— Ладно, ладно, милорд, как пожелаете, — соглашаюсь я. — Сейчас принесу.

— Так затейливо меня еще не благодарили, — весело откликается Ганке, а я уже тороплюсь в мамину комнату.

В конце коридора я стараюсь нащупать выключатель, затем открываю комнату, захожу, и меня сразу охватывает странное чувство.

Здесь стоит вся мебель из маминой комнаты: кровать, тумбочка, шкаф. На кровати разбросана одежда. Но это не *ее* комната. В *ее* на стене, прямо под окном, было таинственное пятно. На батарее у шкафа от перепадов температуры остались полосы. Дерево, выросшее во дворе за окном, царапало стекла, потому что, как говорила мама, «городские службы летом совсем не торопятся приводить растительность в порядок».

Я вздыхаю. Каким бы чужим ни казалось это место, я живу *здесь*. Когда я говорю Ганке, что поеду домой на выходные, я имею в виду *этот* дом, а не Бруклин. Так что лучше бы мне привыкнуть.

Как знать, может, и стоит погулять по окрестностям, вдруг станет лучше.

Я нахожу у шкафа нужную коробку, наклоняюсь и поднимаю ее. Эта немного полегче, чем другая, поэтому Ганке не должно быть с ней тяжело в метро. Она, кстати, еще и сравнительно небольшая. Возвращаюсь в комнату. Ганке смотрит телевизор, оперевшись на входную дверь.

— Вот коробка. Спасибо большое. Ты мне очень помог.

— Да не за что, — отвечает Ганке, забирая вещи. Ему явно неудобно, но он старается этого не